

Независимая газета

Политика ушла в подполье

Мы не знаем не только то, кто будет нами править в ближайшем будущем, но и то, какой у нас будет политический строй

2007-06-05 / Дмитрий Фурман

Россия превратилась в страну тайны и непредсказуемости. Самый важный вопрос нашей политической жизни, кто будет объявлен преемником Путина, в чьих руках будет власть после 2008-го – это самая большая и непроницаемая тайна. Но и вообще планы президента – тайна, и все важные назначения, сделанные им, – неожиданности. Практически наверняка – даже для его окружения. Тайной и непредсказуемостью пронизано все. За любым действием власти может скрываться какой-то иной смысл. Если в компанию приходит налоговая инспекция, руководители компании прежде всего начинают думать – не означает ли это, что где-то принято решение (естественно, тайное) компанию отобрать. Если появляется какая-то новая партия, журналисты и политологи тут же начинают гадать – для чего это нужно Кремлю.

Эта таинственность усилилась при «закрытом», приученном своей предшествующей работой «не болтать лишнего» Путине, но возникла задолго до его прихода к власти. При психологически более простом и открытом, чем Путин, Ельцине и его безалаберном «дворе» тайн тоже было предостаточно. А процесс, приведший к назначению Путина, был не намного более открытым, чем теперешний процесс передачи власти, и само это назначение не более «предсказуемо», чем то, которое, может быть, уже произошло в глубочайшей тайне президентского сознания, а может быть, даже еще и не произошло и произойдет позже.

Таинственность и непредсказуемость – не путинские (или не только путинские) черты, а характеристики, имманентные политической жизни постсоветской России. Почему же у нас так много тайного?

Концентрация власти

Прежде всего это связано с громадной концентрацией власти в руках наших президентов. Любая личность – тайна, в том числе в значительной мере и для себя, поскольку мы зачастую имеем самое смутное представление о наших реальных мотивах. Проникнуть в мотивацию человека и предугадать его поступки – трудно и до конца – принципиально невозможно. Но если человек – всевластный правитель, тайна его личности и непредсказуемость его решений становятся тайной и непредсказуемостью политики, общества.

Решения правителя зависят от тысячи не поддающихся учету и контролю факторов – от перепадов его настроения, от каких-то фобий, в которых он сам себе не признается, от влияний, которые могут исходить от кого угодно – от охранника, тренера, любовницы, духовника. Двор правителя, естественно, постоянно пытается проникнуть в его душу, занимается любительским психоанализом и сбором информации об его пристрастиях, привычках и о влияниях на него. А правитель, также естественно, стремится сохранить себя как личность, свою свободу и свою приватную сферу и «прячется» от окружения.

Любой двор – клубок тайн и интриг. При любом дворе двери плотно запираются, но у этих дверей стоят люди, которые прислушиваются и пытаются подглядеть в замочную скважину. И то, что происходит сейчас в Кремле, – это то же самое, что происходило всегда при различных дворах разных правителей. «Сегодня у государя был Витте (или Столыпин, или кто угодно), они долго беседовали, и Витте вышел расстроенным». – «Я бы не советовал сегодня просить об этом государя, у него дурное настроение». – «А это кто такой? Это – старец Григорий Распутин». Сейчас в Кремле слышно что-то очень похожее. «Сечин (или Сурков, не важно кто) уже две недели не может попасть к президенту!» – «Я заметил, что, когда президент видит Абрамовича, он всегда улыбается». – «Кто это? Это – духовник президента». Все это в условиях громадной концентрации власти и есть самая важная информация. От мыслей, настроений, планов, характера властителя зависят судьбы не только придворных, но в какой-то мере – и всей страны.

И эта информация всегда гипотетична и не полна. В душу человека все равно не проникнешь. А тайна и непредсказуемость порождают страх и благоговение.

Цари – генсеки – президенты

Но таинственность и непредсказуемость постсоветской России – не только следствие концентрации власти в руках президента. Очень трудно сказать, больше или меньше власти у наших президентов, чем у царей и генсеков, (трудно сопоставить разную природу ограничений власти этих правителей – традиционалистских в царской России, идеологических и институционально-партийных в России советской и связанных с обязательностью **внешнего** соблюдения правовых демократических норм в

России постсоветской). Но таинственности и непредсказуемости у нас сейчас несомненно, больше, чем раньше.

В царской России после принятия закона о престолонаследии вопрос о преемнике вообще никакой тайной не был. Все знали, что после ныне здравствующего государя на престол взойдет цесаревич – наследник. И даже до принятия этого закона в период дворцовых переворотов все претенденты могли быть только из членов династии.

Все варианты можно было перебрать на пальцах одной руки. В СССР, конечно, нельзя было точно сказать, кто будет следующим генсеком, но было ясно, что им может быть только кто-то из членов Политбюро, портреты которых несли на демонстрациях. А сейчас у нас тайной является сам состав «политбюро». Знал ли Фрадков до последней минуты перед своим назначением, что он – «член политбюро»?

Чем же объяснить, что в современной России, где есть относительно свободные СМИ, ряд партий, в том числе оппозиционные, и т.д., самые важные вопросы политики окружены большей тайной, чем в России самодержавной и России советской? Я думаю, что наши закрытость и непредсказуемость как раз и связаны с тем, что фасадная сторона нашей жизни – открытая и демократическая. По сравнению с царской и советской Россией в нашей теперешней политической системе разрыв формы и содержания, фасада и того, что скрыто за фасадом, максимален.

В царской России царь и был самодержцем, и назывался самодержцем. Форма и суть самодержавия совпадали. В СССР разрыв формы и содержания был больше. Тем не менее в Политбюро и ЦК фасадная и реальная стороны власти почти совпадали. Эти органы власти и формально, «по уставу», были высшими партийными органами и действительно обсуждали и решали важнейшие вопросы, а Политбюро реально выбирало из своей среды преемника генсека.

Сейчас фасад и реальность власти фактически не имеют между собой ничего общего. Реальность власти – безальтернативность президента, практическая неограниченность его власти и даже его полная свобода в назначении преемника. А фасад – демократия, разделение властей и свободное избрание народом президента на открытых и альтернативных выборах. Колоссальная реальная власть президента – это «неформальная» власть, противоречащая формальным «фасадным» нормам. Но если реальность власти не имеет ничего общего с фасадом, значит, власть должна осуществляться тайно, «подпольно». Тайной становятся не только мотивы решений президента, но и сами важнейшие решения, которые при обязательном демократическом фасадом не могут провозглашаться и реализовываться открыто. Решения типа «обеспечить конституционное большинство «Единой России» или «создать преданную президенту, но конкурирующую с «Единой Россией» «Справедливую Россию» и посмотреть, что из этого получится» или «передать собственность над той или иной компанией или тем или иным СМИ в надежные руки» – могут быть только секретными. И весь механизм их проведения в жизнь может быть только секретным.

А операция «преемник» должна быть высшей тайной именно потому, что здесь противоречие формы и содержания максимально. Здесь нельзя допустить никакого сбоя, преемник может быть только тот, кто определен президентом. Но и фасад должен быть безупречен. Преемника должны действительно избрать тайным голосованием на альтернативных выборах. «Управляемая демократия» – это по сути своей постоянное проведение «специальных операций». А передача верховной власти в ней – самая ответственная и самая тайная «специальная операция».

Я не придаю такого уж большого значения тому, что Путин – бывший работник КГБ. В других странах, где президентская власть также велика и «безальтернативна», но президенты имеют другой генезис, система управления – примерно такая же. «Тайны астанийского двора» бывшего партийно-хозяйственного работника Назарбаева – не меньшие, чем тайны путинского двора. Но ясно, что приобретенный Путиным опыт и его возможность опереться на корпоративную лояльность работников спецслужб и использовать их навыки идеально соответствуют задачам управления в нашей системе.

Никто не может лучше осуществлять тайное управление, чем профессионалы тайной службы.

Сфера тайного у нас предельно широка. Но тайна и непредсказуемость порождают страх, неуверенность в завтрашнем дне. Если известно, что после государя будет править наследник, придворный может как-то подготовиться и приспособиться к будущему. Если за генсеком может прийти кто-то из членов Политбюро, непредсказуемости больше, но все же «простой член ЦК» мог как-то рассчитать свое будущее. Но сейчас российский чиновник или магнат, не знающий даже приблизительно, что будет в 2008 году, должен жить в ситуации крайнего стресса.

И этот страх, вытекающий из непредсказуемости будущего, то есть из самой природы нашего строя, распространяется во всем обществе. Громадная популярность Путина была связана прежде всего с тем, что наконец стало ясно, кто – хозяин. Боящееся неопределенности общество испытало облегчение. Сейчас все снова стало неясно и даже более неясно, чем в 2000 году.

Мучительная неопределенность

Ситуация неопределенности, непредсказуемости, прямо вытекающая из природы нашего строя, – неудобная, мучительная. И нет никакого сомнения, что даже «на самом верху» существует большое недовольство этой ситуацией и желание перейти к каким-то более предсказуемым и стабильным формам политической жизни. Или – к более «простому» авторитаризму, продлению до бесконечности правления того, к кому все уже привыкли и приспособились, отбрасыванию неудобной правовой и демократической формы. Или (несомненно, есть и такие настроения) – к более правовой системе, в которой исход борьбы за власть не определен, но правила игры более открыты и определены, и поражение в ней не так уж страшно.

Мы не знаем, что творится за кремлевскими стенами, но не может быть сомнения, что обычная, нормальная придворная борьба должна принимать там и некоторую идейную окраску. Какая-то борьба разных образов желательного будущего должна идти и в сознании самого президента, проникнуть в которое уж совсем невозможно. И именно здесь, а не в фасадной сфере открытой политики решается ближайшее будущее нашей страны.

Общество атомизировано, его сознание не определено и аморфно, и оно совершенно неспособно к самоорганизации. Оно не так уж далеко ушло от позднесоветского общества, и всякие марши несогласных больше напоминают диссидентские демонстрации, где на одного протестующего приходилось сто сотрудников КГБ, чем демонстрации на Западе или на украинском Майдане. Но в позднесоветскую эпоху на одного диссидента приходилось не только несколько сотен или тысяч работников КГБ, но и несколько десятков миллионов людей, испытывающих неопределенное недовольство. И эти люди были везде – и в ЦК, и даже в том же КГБ. И именно смутное понимание этого заставляло власть приставлять по сто агентов к каждому диссиденту, как смутное понимание того, что несогласных в любой момент может стать сотни тысяч, заставляет сейчас власть посылать ОМОН против горстки «городских сумасшедших».

Неожиданное появление Горбачева и процессы в его сознании, которые никто не мог предвидеть, привели к падению советского режима. Стоило исчезнуть (или ослабнуть) страху власти, стоило обществу ощутить, что власть не имеет ясной «безальтернативной» политики и что она – не монолит, как дремота застоя сменилась судорожной активностью.

И сейчас достаточно появления некоторой неопределенности в том, в чьих руках власть, выхода в процессе борьбы за власть наружу разных позиций обладающих властью, апелляции борющихся групп к обществу, как теперешняя дремота может пройти. Операция «преемник» таит в себе риски не только для тех, кто в будущем может оказаться в роли новых Березовских и Ходорковских, но и для режима в целом. Но даже если она пройдет без сучка без задоринки, какая-то следующая важная спецоперация неизбежно провалится. Это – в природе спецопераций.

Мы не знаем не только то, кто будет нами править в ближайшем будущем, но и то, какой у нас будет политический строй.